

ПОЛИНА ЛЮРО
МЕСТЬ МАРИ

Полина Люро Месть Мари

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510414
SelfPub; 2024*

Аннотация

Молодой профессор завёл интрижку со своей студенткой, а когда она стала ему мешать, спланировал идеальное убийство. Он был в этом уверен, но что, если жертва не согласна?

Полина Люро

Месть Мари

Майк мчался по улице, не обращая внимания на развязавшийся, трепетавший на ветру красный шарф, так и норовивший сорваться и улететь прямо в тёмную воду канала. Его щёки пылали не меньше этого ужасного шарфа, подаренного Мари на День рождения две недели назад. Запыхавшееся сердце выскакивало из груди, а дыхание сбилось, вырываясь из горла шумными хрипами, как у старика. И это в двадцать восемь лет, а ведь он пробежал всего-то полквартала...

Перед самым домом, стараясь отдышаться, Майк, наконец, остановился. Но усталость и потрясение сделали своё дело, заставив его опуститься на ступеньки крыльца, в отчаянии схватившись за голову. Прохожие посматривали на симпатичного молодого человека в чёрном пальто с интересом, но никто не остановился, чтобы спросить:

– Что с Вами, месье? Может, нужна медицинская помощь?

Все спешили по своим делам.

Из подъезда вышла консьержка, мадам Ри, милая благообразная старушка, которая плохо видела, но бегала лучше Майка. Увидев жильца с пятого этажа, она охнула и тут же подошла к нему:

– Мишель, дорогой, что случилось? Опять сердце прихватило? Я немедленно позвоню доктору Шварцу, а Вы пока тихонечко посидите здесь. Ну, что за молодёжь пошла — слабая и ни на что негодная. Вот мы в Ваши годы...

– Прошу Вас, мадам Ри, не беспокойтесь, я в полном порядке, — обаятельно улыбаясь, прошептал Майк, за год уже привыкший к её обычным фамильярным словам — «Мишель», «голубчик» и «дорогуша». Впрочем, старая консьержка и к другим жильцам дома, в котором проработала почти сорок лет, обращалась как к собственным внукам:

– Вы уверены, голубчик, что Вам не нужна помощь? Выглядите, дорогуша, прямо скажу, как загнанная лошадь моего дедушки.

Бережно взяв сморщенную ладошку старушки, Майк прижал её к своей щеке:

– Вы мой добрый ангел, мадам Ри, я так тронут Вашей заботой, но, в самом деле, ничего страшного не случилось — просто устал и через пару минут буду в полном порядке...

Смущённая таким вниманием консьержка улыбнулась:

– Что ж, Мишель, раз Вы так говорите, не буду приставать. Только, умоляю, поднимайтесь по лестнице осторожно и не спеша, лифт пока так и не починили. Мастер обещал прийти минут через двадцать, — она похлопала его по плечу, думая про себя:

– Какой милый юноша! — и быстро вернулась в дом.

Облегчённо выдохнув, Майк вытер рукавом пальто пот со

лба, и, встав, потихоньку последовал за ней. Подъём на пятый этаж занял много времени, но сейчас он уже не спешил — перед глазами всё ещё стояла страшная картина: комната Мари с беспорядочно разбросанными вещами, и тело девушки, распростёртое на полу в луже собственной крови...

Он зашел к ней, как они и договаривались, чтобы взять отложенные книги для доклада. Свидание не планировалось, весь день был загружен до предела: совещание на кафедре, лекции, семинары. Молодой профессор выкроил немного времени, чтобы забежать к своей студентке, а заодно и возлюбленной, с букетиком фиалок за пазухой.

То, что ждало его *там*, невозможно было забыть. Особенно её глаза: удивительно спокойные, ярко-синие на бледном худом, не тронутом страхом лице. Как будто *она знала*, что *это* должно было с ней случиться, и была готова принять смерть. Почему Мари выглядела так, словно не боролась за свою жизнь и была *довольна* случившимся? Это же бред...

Он сам вызвал полицию и четыре часа, убитый горем, со скорбным видом просидел в полицейском участке, а когда его отпустили, из последних сил помчался домой. Неудивительно, что сердце не выдерживало стресса...

Стараясь прогнать навязчивые воспоминания, Майк потрянул головой, но это не помогало. Он с большим трудом открыл дверь в свою маленькую квартиру, в которую въехал год назад, получив долгожданное предложение преподавать в одном из самых престижных университетов Франции. Мо-

лодой профессор не собирался заводить интрижку, да ещё со студенткой. Он рассчитывал спокойно отработать этот год и вернуться на Родину, где его ждали жена и двое обожаемых близнецов.

Но жизнь преподнесла ему сюрприз в виде Мари — длинноволосой, синеглазой француженки — загадочной, харизматичной и очень красивой... Она быстро свела Майка с ума, заставив забыть всех, кто был ему так дорог. И вот оно — наказание за год безоблачного счастья, легкомыслие и неверность. Так он думал, и сердце кольнуло, подтверждая эти мысли.

Внезапно ему стало душно и невыносимо жарко. Майк сбросил пальто в прихожей, еле распутав дурацкий шарф, снова каким-то чудом туго намотавшийся вокруг шеи. Прощёл на кухню и, достав бутылку воды из холодильника, с жадностью её осушил. Но легче не стало: жар и не думал спадать; не помогло и умывание водой из-под крана. Осталось только принять холодный душ, чтобы, наконец, привести свои чувства и мысли в порядок.

Он осторожно вошёл в спальню, ещё пахнувшую *её духами*, прижал к лицу подушку, вдыхая такой знакомый аромат, и тут же в сердцах отбросил её на пол. Всё ещё тяжело дыша, прислонился к стене, и, скрестив руки на груди, начал внимательно рассматривать стоявшую на столике у окна фотографию.

Двое в парке: на траве расстелена скатерть для пикника,

влюблённые сидят обнявшись. Майк счастливо смеётся, а Мари... как обычно даже не улыбается, только глаза смотрят в камеру с непонятной насмешкой. И так — на всех фото, где они были вдвоём. Сколько раз он спрашивал её об этом, ведь в жизни его возлюбленная была той ещё хохотушкой. Почему же на снимках она всегда выглядела иначе — ироничной и немного грустной?

— Как же это раздражает, даже сейчас... — мужчина обиженно закусил губу.

Мари никогда не отвечала на этот вопрос, загадочно пожимая плечами. Или целовала его, со смехом приговаривая:

— Значит, ещё не время мне *там улыбаться*...

Его раздражала эта *странность*, но он молчал, потому что был без ума от загадочной красавицы. Ещё вчера, после произошедшего между ними скандала, Майк сжег все её фотографии, но эту не посмел тронуть.

И теперь почему-то не решался. Он посмотрел на Мари, такую потрясающе *живую* на этом фото, и заговорил с ней, срывая голос:

— Ну, и чего ты добилась своим упрямством? Неужели трудно было потерпеть пару недель, пока Элен с ребятами погостили бы у меня? Не понимаю, зачем было настаивать на своём? Могли же всё уладить — жена бы вскоре уехала, а мы остались вдвоём, как раньше. Я с самого начала сказал, что никогда не оставлю жену и детей, и ты тогда промолчала, а вчера вдруг взорвалась, словно фурия...

Он снова взглянул на фото и испуганно сполз по стене на корточки. Одна бровь Мари вопросительно поднялась вверх. Майк не поверил своим глазам: встал, и, подойдя к столу, взял фото в руки. Ошибки не было, лицо Мари изменилось — бровь действительно слегка приподнялась, так же, как и уголок рта. Теперь сомнений не было — его подруга усмеялась...

Часто задышав, Майк продолжил разговор с фотографией, не отрывая от неё глаз:

– Ладно, ладно... Это была ложь: я не сказал тебе, что женат, но собирался, правда, собирался! Однако ты даже слушать не стала. Упрямо твердила, что хочешь встретиться с Эллен, а ведь это всё бы разрушило — и брак, и карьеру, и нашу с тобой любовь...

Мари на фото закатила глаза к небу. Это его взбесило:

– Издеваешься — даже мёртвая споришь! Это ты виновата, что мне всю ночь пришлось придумывать план, как... *убить тебя*. Очень хороший план, между прочим. Я — профессор литературы, и детективы — моя сильная сторона. Ты проиграла, Мари... Всё просчитано до мелочей: нет ни одной улики, указывающей на *настоящего виновника*, им ни за что не вычислить убийцу, — злорадно выпалил он и тут же подавился своей ухмылкой.

Замолчав, Майк в ужасе смотрел на фото: Мари улыбалась, а её глаза были насмешливо прищурены.

– Почему ты смеёшься, ведьма? Я всё сделал правильно,

ничего не забыл... — теперь его голос звучал уже не так уверенно.

Внезапно профессор с размаху бросил фотографию на пол, с непонятной тоской прислушиваясь к звону осколков разбитого стекла. Наклонившись, он поднял фото, выпавшее из сломанной рамки. Его голос дрожал:

– Я что-то забыл? Не может быть, мой план безупречен, абсолютно безупречен...

Рука Мари, до этого обнимавшая Майку за талию, теперь указывала на коробочку, стоявшую на скатерти рядом с корзинкой для продуктов. Фотография упала из ослабевших рук мужчины — он знал, *что* было в этом красиво упакованном свёртке. Там, на пикнике, Мари подарила ему чудесные кожаные перчатки, сказав, хитро рассмеявшись, что «они ему пригодятся, и, возможно, очень скоро»...

Он напряжённо вспоминал, положил ли эти использованные для убийства перчатки в пакет, сожжённый им на пустыре. Словно безумный, Майк ходил из угла в угол, пытаясь шаг за шагом восстановить последовательность своих действий и найти момент, когда *от них избавился*. И не мог его вспомнить. Зато в памяти всплыла пара окровавленных перчаток, *словно нарочно* брошенная им в бельевую тумбочку Мари.

– Невероятно, я не мог оставить их *там*, не полный же кретин... — закрыв лицо руками, Майк застонал, не замечая, как звуки отчаяния и досады быстро сменяются исте-

рическим хохотом. Он сел на пол, игнорируя нараставшую боль в груди и не спуская покрасневших глаз с единственного фото, на котором они с Мари улыбались *вместе*:

– А ты, красотка — настоящая ведьма, всё-таки провела меня... — не в силах остановиться, смеялся он, грозя пальцем мёртвой возлюбленной.

В дверь настойчиво позвонили. Стоявшие за ней полицейские удивлённо прислушивались к доносившемуся из квартиры странному смеху. Поправив кепи, пожилой сержант обратился к хмурому капитану:

– Месье, думаю, дело раскрыто. Парень явно не в себе, совсем слетел с катушек — такую улику оставил, придурок...

И, повернувшись, крикнул:

– Эй, кто-нибудь, приведите сюда консьержку с ключами. Не хочется ломать дверь...